

ЕЛЕНА ГАБОВА

ОТПУСТИ МЕНЯ

Елена Васильевна Габова
Отпусти меня
Серия «Время – детство»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19531087
Отпусти меня: Время; Москва; 2016
ISBN 978-5-9691-1525-5, 978-5-9691-1498-2

Аннотация

Ты любишь одноклассника, не можешь прожить без него ни дня, но полностью покориться этой любви нельзя. Во-первых, не принято – десятый класс, и взрослые все еще считают вас детьми. Во-вторых, просто страшно – и ты шарахаешься от него при встречах, всеми своими поступками показываешь, что он для тебя никто. А сердце выпрыгивает из груди, когда ты его видишь, и взгляд его как будто прожигает тебя насквозь... Это мучительное чувство в пятнадцать лет – когда хочешь, но не можешь любить. И ты мечтаешь, чтобы он отпустил тебя. Ты даже улетаешь от него далеко, в другой город. Но разве от себя убежишь?

Содержание

Отпусти меня

6

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Елена Габова

Отпусти меня

© Елена Габова, 2016

© Валерий Калныньш, оформление, 2016

© Вера Коротаяева, рисунки, 2016

© «Время», 2016

* * *

Отпусти меня

Повесть

У людей под пятьдесят лицо, как мятая бумага. Ужасно неприятно. Как будто лист изо всей силы скомкали, а потом разгладили рукой. Неужели и у меня будет такое? Думать страшно. Не люблю я людей с такими лицами. Особенно теток. Они всегда пристают. Ко мне подошла одна такая старуха и спрашивает, почему я так долго сижу одна и где мои родители. Какое ей дело? Я послала ее подальше. А она на меня полицейского натравила, смотрю, он ко мне через ноги людей пробирается. Только где ему, ха-ха! Старый, толстый как бегемот. Я встала, через чьи-то сумки перешагнула и – на улицу. Подождала немного и снова в вокзал зашла,

на второй этаж поднялась. Села на свободное место на диван кожаный. Рядом щекастый мальчишка спал, голова на машинных коленях. С другой стороны дядька с портфелем у ног в газету уткнулся. Я в телек уставилась – он высоко подвешен, голову надо задирать, чтоб экран видеть. Объявлений о вылетах здесь почти не слышать, на втором этаже те устроились, чей вылет нескоро. Мне бы куда улететь. Надоело все до чертиков. До чертиков, точно! До чертиков тошно. О, о, на экране опять целуются. О, my dear, kiss me! Ужас какой-то – во всех фильмах любовь. Будто есть она. Врут все. Вон мамаша, что рядом сидит, на своего головастика смотрит – любит, может, она и любит его, а года через два этот малыш в школу пойдет, двойку домой притащит, любовь тут же закончится. Будто не знаю. Запилят до смерти за двойку-то.

О, парень по телеку в любви своей герле признался. В глазках слезки. Так я ему и поверила, слезкам его. Жалко, телек высоко, канал не переключишь.

Знаем мы эту любовь. Дома мать и этот ее, мой отец так называемый, Рома, только и знают, что лаются. Орут на весь дом. Слова гадкие. Самим можно, а мне – попробуй скажи. Сразу по роже от матери. Да еще спрашивает: «Где ты такого понабралась?» Юмористы.

Дома, наверное, уже паника. «Где она шляется, уроки не сделаны, по английскому опять двойку притащила, язык в наше время необходим, о чем думает? Смартфон опять до-

ма забыла, зачем и купили?» То друг друга грызут, то меня. Не могут спокойно жить. Ну, до «Времени» еще ничего, не психуют, не беспокоятся, а сейчас уже фильм после новостей кончается, про какую-нибудь любовь эту глупую. Мать, ясно-понятно, на часы пялится, Вальке уже, наверное, раз десять звонила, подруге моей... Пусть поволнуется. Знаю ведь – не любит меня, чихать на меня хотела. Орет, как дикая. Почему посуду не вымыла, почему в магазин не сходила, почему замечание, почему двойка?

А черт его знает почему. Не хочу я посуду мыть. Никогда не буду. Замуж не выйду. Почему я девчонка? Не хочу быть девчонкой. Уже месяц, как не хочу. Пусть провалится эта посуда. И иголки со спицами, и вся дурацкая кулинария с микроволновками. И блендеры, и мультиварки... пусть все в пропасть валится... Я училке по труду так и сказала: не хочу я шить всякие ваши фартучки, пусть меня в мастерскую переведут, где мальчишки. А она мне пару поставила. А потом еще две. Классная и мать ругаются, уговаривают: «Что ты, фартучек сшить не можешь, вон машинка швейная без дела стоит, давай покажу где, я тебе ситчик купила, смотри, веселенький какой, почему не смотришь, посмотреть даже не хочет, видал, какая упрямая (папочке так называемому), стараешься для нее, стараешься, ни-че-го не ценит... Вот она, молодежь нынешняя!» А классная: «Ты пойми, тебе в жизни это еще как пригодится».

Несчастливые существа. Как им не противно, что они жен-

щины? Наверно, подсчетов не сделали, недодулись-недоду-мались.

Недавно у меня началось то, что у всех женщин бывает. И я поняла, как мир несправедливо устроен. Почему у мальчишек ничего такого? А тут мучайся каждый месяц. Когда мать мне про это растолковала, я заревела. Вылетела из комнаты. Мне даже на нее смотреть было стыдно! Я почувствовала себя грязной! Да, да, грязной свиньей, вот почему в церкви в алтарь женщин не пускают, вот почему, если у тебя это дело, ты даже на исповедь не можешь пойти. Я об этом из фильмов знала. Тупые, тупые девчонки, живут, как ни в чем не бывало, смеются по всякому поводу, хотя у всех эти дела, у меня последней начались в нашем классе. Лучше бы вообще не начинались. Кошмар полный. А что? Помножить пять дней на двенадцать месяцев, сколько «грязных» в год получится? А это еще помножить на двадцать лет – столько-то проживу еще – сколько получится?

Разве захочешь после этого девчонкой быть?

Я сказала об этом Вальке, а она плечами пожимает: «Что сделаешь?»

Не понимаю, как можно с этим мириться. Живот болит и вообще мерзко!

А тут по телеку любовь, поцелуйчики. ...Вон мальчишка спит, он маленький, а уже лучше меня, чище, мальчишка потому что, повезло ему, а он и не знает, головастик щекастый.

И еще этот... мамашин, узнал.

Прихожу сегодня домой, у Вальки была, смотрю, папаша мой называемый, отчим Рома, напротив ванной в проходе сидит и на балалайке играет. Это он любит. Молодость вспоминает. Ходил когда-то в кружок балалаечный. Дверь в ванную открыта, а там мамаша бельем в тазу чавкает. Машина стиральная уже месяц как сломалась. А он у двери сидит-бренчит, чтоб она, значит, его музыкой наслаждалась. Нет чтоб машинку починить или мастера вызвать, бренчит струнами: трень-брень.

Помирились часа на два, понятно, поздравить надо.

– Где была? – мамаша спрашивает. – Нет, чтобы свое простирнуть, бродишь, незнамо где.

Я буркнула, что у Вальки «брожу», смотрю, а она мои трусики стирает. А на них следы, ну, несправедливости этой... мерзости этой... Протекло через крылышки-то... А он, мамашин, сидит, бренчит, и трусики тоже видит! Не слепой же!

Видит, знает обо всем, смеется надо мной, вот позорище! Я прямо как на костре оказалась!

Его вместе с балалайкой толкнула, в ванную прыгнула, трусики эти в пене все из мамашиных рук выхватила, в карман куртки впихнула, я ведь и раздеться еще не успела, на улицу вылетела.

Поздно было – к Вальке не побежишь, ну я на вокзал и поехала, трусы в урну выкинула, до сих пор куртка от них вся мокрая.

Посплю тут, что, на вокзале не спят, что ли?

Только эти, с лицом, как мятая бумага, смотрят на меня, того и гляди опять с расспросами полезут. У, ненавижу. Сидит человек, никого не трогает – чего вязаться? Я ж не наркоманка какая-нибудь, не видно, что ли? К дядьке с газетой придвинулась – пусть думают – дочь его.

Утром в школу отсюда поеду на троллейбусе. Только потом все равно же придется домой являться, а там этот, машин, знает все обо мне!

А, провались все пропадом – не знаю, что делать.

А потом ко мне он подошел.

Представительный такой. В шляпе. Молодой, а в шляпе с узкими полями. Папки под мышкой ему явно не хватало, я бы точно подумала, что это представитель какой-нибудь дурацкой фирмы. Какой-нибудь фиговый дистрибьютер,

чудо-печки продает или стиральные порошки от секты «Эй-вон». Он спросил:

– Грустишь? – и присел рядом.

– Нет.

– А что делаешь?

– Ничего, отстаньте.

Я вскочила и пересела на другую скамейку. Вяжутся всякие в шляпах. Дистибьютеры.

Он встал и ушел. Я думала, насовсем отстал, ну и ладушки, опасаясь я этих дураков в шляпах и без. А он походил-походил, косясь в мою сторону, и когда место рядом освободилось, снова шлепнулся рядом.

– Есть хочешь?

– Нет.

– Вижу, что хочешь. У тебя глаза голодные.

– Ничего они не голодные.

Я хотела ему прямо сказать: «Чего привязался? Гони отсюда», а потом подумала, что Шляпа не грубит, даже заботится обо мне, и как-то это неприлично грубить и на дальнюю дистанцию посылать. Как-то это ну... невежливо. И промолчала.

В следующий раз он вернулся ко мне с шоколадкой. Положил на сиденье рядом плитку «Бабаевского» и маленький сок. И ушел. Я как раз такой шоколад люблю – горький, я косилась на эту шоколадку и сдерживалась изо всех сил, чтобы ее не цапнуть. Терпела-терпела, а потом решила отломить половину. Все-таки адски хотелось есть. Мы у Вальки только чай пили с двумя ма-алюсенькими печенюшками. Начала отламывать, а она гадская как зашуршит фольгой на весь вокзал. Все на меня обернулись и стали смотреть. Я отдернула руку. Блин, шуршать шоколадка была здорова, а чтобы оторваться... фиг она оторвалась, у нее же две защиты – фольга а сверху еще бумажная шкурка. Я вскочила с места и быстро пошла к выходу. Почти побежала.

Все! Домой! что у меня, дома нет?.. а то, что про эти дела отчим узнал, – да и фиг с ним, перебьется... И я перебьюсь,

только жутко грустно пропасть дней вычеркивать из жизни. Просто ужасно. Да...

Я вышла из здания аэровокзала на залитую светом фонарей улицу. Под фонарями метался клубок из сухих осенних листьев, они гонялись друг за другом, подрагивая задранными вверх хвостиками. Как игрушечные бумажные собачонки. Ветер плеснул в лицо, и я вспомнила, что на мне всего лишь одна тонкая ветровка поверх футболки, а погода стала дрянная. Похоже, что ночью вообще подморозит. В конце сентября это у нас запросто и даже в начале сентября бывает, а сегодня уже восемнадцатое, уже больше двух недель мы учились.

Я вышла из зоны фонарного света, и тут меня сразу же – ждали, да? – с двух сторон подхватили какие-то парни.

– Вы что? Отпустите! – удивленно сказала я.

Они ничего не говорили и вели меня по направлению к парковке. Что делать? Из уроков ОБЖ я знала, что нужно что есть мочи закричать. Но было ужасно стыдно кричать. Я еще ни разу в жизни не кричала. Ведь все сразу оглянутся, станут зырить... Но потому и нужно крикнуть! Чтобы все оглянулись и стали смотреть!.. И лучше всего кричать: «Пожар!», тогда все точно оглянутся, потому что все без исключения боятся пожара. Но какой, к черту, пожар осенью? На улице? Откуда он возьмется?

И я крикнула совсем по-малышовому:

– Мама!

Нет, даже так:

– МАМА!

И эти дураки меня сразу отпустили и метнулись в разные стороны. А я рванулась назад в здание вокзала.

Я больше не выйду на улицу. Ни за что! Ни за что ночью! Дождусь утра. И спать на вокзале я не смела. А вдруг эти дураки меня возьмут за руки – за ноги и отнесут в свою тачку. Скажут любопытным зевакам: а это наша подруга. Заснула. Напилась. Плохо стало. Мало ли, что они придумают. А то, может, они и взятку полицейскому сунут, чтобы тот как будто ничего не видел. И даже сам помог донести до машины неизвестную спящую девчонку.

Я успокоилась примерно через час. И мне зверски захотелось спать. Даже больше чем есть. И еще я зверски хотела домой. Ну вот надо же забыть телефон! Сколько раз говорила себе: не вытаскивай телефон из кармана. Пусть будет в куртке! Но все время в куртке его нельзя держать, из школьной раздевалки он точно пропадет. Вот поэтому и приходится перекладывать в кармашек рюкзака. А обратно перекладывать всегда забываю. Позвонила бы сейчас Вальке, и она бы пришла. На базе бы прикатила. И вместе мы бы пошли домой. Вдвоем не страшно. В крайнем случае, я и маме бы позвонила. А что я завтра матери скажу? Где я была? Разве она поверит, что я просто на вокзале сидела? Да, как же! А про парней этих я разве сумею рассказать? Ведь это стыдно, что меня хотели, как дурочку малахольную, куда-то увез-

ти. Куда-то для своего развлечения, не моего же. Странно, что есть люди, которые развлекаются тем, что делают другим плохо. Или даже больно. Они глядят, как кто-то мучается, и наслаждаются... Кажется они называются садистами. И вот меня, наверное, садисты и хотели к себе заполнить.

И вдруг мой взгляд уперся в ту же шоколадку. Она лежала на том же самом сиденье. Мои глаза словно приклеились к этому месту. Вообще отказывались смотреть на что-либо другое. Я приказывала себе – не смотри, отводила их в сторону, но они независимо от меня возвращались к этой дурацкой надломленной внутри плитке. Я сама не могу объяснить, как я подошла к этому месту и схватила эту расколотую в фольге, но совершенно целую по виду шоколадку. Чудо – я увидела, что и сок в маленькой пачке лежит тут же, рядом. Я схватила и сок тоже. Оглянулась. Люди спали, сидя на своих местах, и только один дяденька видел, как я схватила то и другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.